

проект нового устава школ. И к 2017 году стало возможно заявить, что понятия «гимназия», «лицей», «школа с углубленным изучением» какого-либо предмета, «коррекционная школа» вышли из системы образования. Ср.: «Столичные гимназии и лицеи перевели в статус обычных школ» (pedsovet.org, 31.08.2017) и др. К 2017 году индекс частотности употребления словесного знака «гимназия» уже составлял 25.12126 и к 2021 году значительно уменьшился, достигнув значения, равного 14.28663. По нашему мнению, снижение внимания к данной языковой единице напрямую связано с выходом гимназии как особого типа образовательного учреждения из системы российского образования и, следовательно, выведением из активного применения, пассивизации лексической единицы «гимназия» в системе современного русского языка.

Заключение. Проведенный анализ показал, что к настоящему времени частотность употребления лексической единицы «гимназия» значительно снизилась по сравнению с частотностью ее употребления в начале XXI века. Это обуславливается начавшимися в 2010-2012 гг. изменениями в структуре системы отечественного образования, стремлением к ее унификации и, следовательно, упразднением к 2017 году гимназий как особого типа образовательных учреждений в современной России.

Список литературы

1. Загоровская О. В. Состав и основные разряды устаревшей лексики в русском языке новейшего периода / О. В. Загоровская // Русский язык на рубеже XX–XXI веков: исследования по социолингвистике и лингвокультурологии: монография. – Воронеж, 2013. – С. 69–77.
2. Заварзина В. А. Ресурсы национального корпуса русского языка в исследовании культурных исторем (на примере словесного знака «гимназия») / В. А. Заварзина // Известия Воронежского государственного педагогического университета, 2021. – № 4. – С. 194–199. – DOI 10.47438/2309-7078_2021_4_194.
3. Кузнецов С. А. Толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – С. 212.
4. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – Т. 1. – М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ, 1935. – С. 267.

УДК 82.161.1-2”20”

СВОЕОБРАЗИЕ РЕМАРОЧНОГО ПЛАСТА СОВРЕМЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ

Зайцева И.П., д-р филол. наук, проф.

УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»,

г. Витебск, Республика Беларусь

irinazaj91@mail.ru

Введение. Современная драматургическая речь – словесное пространство пьес, созданных в XXI веке, – в настоящее время изучена

явно недостаточно, причём как в лингвистическом аспекте, так и с позиций соприкасающихся с лингвистикой междисциплинарных областей. Между тем исследования этого феномена видятся чрезвычайно актуальными хотя бы потому, что именно в драматургии во все периоды её существования – в данном случае речь идёт прежде всего о драматургии русской – словесная ткань была максимально приближена к тому, как говорили «в жизни», т. е. к живому языку той или иной эпохи, который функционирует преимущественно в сфере разговорного общения (как разговорно-литературного, так и разговорно-бытового и разговорно-просторечного).

Основная часть. Безусловно, наибольший исследовательский интерес при изучении драматургической речи представляет «зона персонажей» пьесы – речевые проявления действующих в произведении лиц, которые практически всегда преобладают в нём и пространственно; словесная ткань, воплощающая «зону автора», как правило, значительно уступает первой по объёму, а в некоторых пьесах сводится к минимуму (так, например, этот композиционно-речевой пласт может ограничиваться лишь перечнем действующих лиц или единичными, весьма лаконичными, ремарками). Однако в современной драматургии отчётливо прослеживаются и ряд тенденций, свидетельствующих об определённой трансформации «зоны автора», что позволяет сделать вывод и о некотором изменении отношения драматургов к характеру и степени представленности в пьесе авторского «голоса», что, в свою очередь, может быть обусловлено различными причинами.

Примечательно, что в течение нескольких десятилетий (начиная с середины прошлого столетия) произошли некоторые изменения и в терминологической трактовке ремарки как элемента драматургического произведения (в данном случае мы ограничиваемся анализом лишь филологических толкований, не затрагивая, к примеру, собственно театроведческие и культурологические; впрочем, будучи синкретичным по своей природе, словесное искусство драматургии, безусловно, испытывает влияние смежных с филологией сфер, что отражается и в терминологии). Так, Б.В. Томашевский в работе «Теория литературы. Поэтика» (впервые издана в 1925 г.) определяет ремарки как фрагменты, «которые дают указания руководителю спектакля – режиссёру, какие сценические средства должны быть применены в осуществлении спектакля» [1, с. 212]. Таким образом, заключает исследователь, «ремарки имеют служебную роль сообщения о художественном замысле актёрам и режиссёру и поэтому **обычно излагаются простым, обычным прозаическим языком.** В редких случаях мы видим **применение художественного стиля в ремарках в целях большей эмоциональной убедительности указаний**» (выделено мною. – И. З.) [1, с. 212].

В «Литературном энциклопедическом словаре» (1987), где в целом ремарка определяется сходно с трактовкой Б.В. Томашевского – как «указание автора в тексте пьесы (обычно в скобках) на поступки героев, их жесты, мимику, интонацию, на психологический смысл их высказываний,

на темп речи и паузы, на обстановку действия», в то же время отмечается, что «для многих пьес 20 в. характерна развёрнутая, беллетризованная ремарка» (выделено мною. – И. З.) [2, с. 293]. О ещё большем возрастании значимости ремарки в структуре драматургического дискурса можно судить по определению этого термина в словаре «Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий» (2008), где предлагается функциональная классификация ремарок, довольно заметно отличающаяся от принятых ранее (ср., в частности, замечание о назначении ремарок в предыдущем определении): «**РЕМАРКА** – драматургический термин, обозначающий пояснения, замечания, комментарии к изображаемому в драме событию. ... Ремарка должна отвечать на вопросы: где, когда совершается изображённое событие, кто участвует в нём, в какой зависимости изображённое событие находится с предшествующим ходом действия. Различаются в зависимости от функций **вступительные, технические и психологические** ремарки» [3, с. 206]. В приведённом определении содержится также замечание о том, что некоторые вступительные ремарки могут дополнительно выполнять ещё одну специфическую функцию, указывая режиссёру «на монтажную последовательность в изображении, что является отличительным признаком **сценарных** ремарок. Считается, что сценарная ремарка – это образная характеристика свершающегося в настоящий момент действия, которая **даёт направление для кинематографического прочтения**» (выделено мною. – И. З. [3, с. 206].

Приведённые определения ремарки, отражающие осмысление этого компонента произведения драматургии на протяжении почти векового периода, как представляется, свидетельствуют о постепенном, но при этом довольно существенном расширении его функций в драматургии XX и XXI веков, что, безусловно, нашло отражение и в речевом оформлении ремарок. Помимо уже довольно давно замеченных исследователями большей *развёрнутости* и *беллетризованности* ремарок в пьесах XX столетия, для ремарок в драматургии XXI века практически привычным свойством стала также очевидная *оценочность* и явная *включённость в «монтаживание»* драматургического сюжета, что, с нашей точки зрения, обусловило и повышение роли ремарочного пласта в выражении авторской концепции в принципе. В первую очередь отмеченные свойства характерны для ремарок вступительных – композиционных фрагментов, начинающих пьесу, – что позволяет классификационно объединить эту разновидность ремарок в особую группу, которую ещё предстоит детально изучить.

Подтвердим сказанное выше лишь одним примером, типичным, по нашему мнению, для драматургии последних двух десятилетий, – вступительной ремаркой из оригинальной как по композиции, так и по ряду иных особенностей пьесы – произведения Е. Черлака «Ипотека и Вера, мать её» (2011), содержащей, как представляется, все отмеченные особенности: «*Обычный кабинет в районной прокуратуре: выдавшая виды мебель с инвентарными номерками, заваленный бумагами и справочниками*

стол. На подоконнике – полузасохший столетник. На стене тикают часы. Под ними – календарь, пластмассовый бегунок которого, по-видимому, уже давно не отмечает новые дни. Но что действительно приковывает взгляд – так это шикарные рыцарские латы. Они стоят в углу, блестящие металлические руки пустотелого «крестоносца» опираются на длинный меч.

За столом сидит Ярослав Игоревич. Несмотря на то, что в кабинете жарко и душно, он одет по всей форме: рубашка, галстук. Синий прокурорский китель застёгнут на все пуговицы. Вера пристроилась на шатком стуле рядом со столом хозяина кабинета. Она равнодушно отвечает на вопросы следователя, а сама то и дело поглядывает на большой свёрток, в котором – её новорождённая дочь, плотно упакованная в одеяло и пелёнки. Свёрток с ребёнком Вера оставила на другом столе – у двери, рядом с зачехлённой пишущей машинкой» [4, с. 43].

Заключение. Таким образом, ремарочный пласт современной драматургической речи демонстрирует очевидное своеобразие, которое, с одной стороны, обусловлено опорой на существующие в рамках этого литературного рода традиции, однако одновременно отражает явное расширение функциональной значимости данного композиционно-речевого пласта. Более глубокое и разноаспектное исследование ремарочной сферы современных пьес позволит дополнить теорию драматургического дискурса, которая в настоящее время находится в стадии становления.

Список литературы

1. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика: учеб. пособие / Вступ. статья Н. Д. Тamarченко; Комм. С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тamarченко / Б. В. Томашевский. – Москва: Аспект-Пресс, 1996. – 334 с.
2. Хализев В. Е. Ремарка / В. Е. Хализев // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – Москва: Советская энциклопедия, 1987. – С. 583.
3. Польшикова Л. Д. Ремарка / Л. Д. Польшикова // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тamarченко]. – Москва: Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. – С. 206.
4. Черлак Е. Ипотека и Вера, мать её. Неоконченное дело в одиннадцати параграфах / Е. Черлак // Современная драматургия. – 2011. – № 2. – С. 43–58.